

Ахматов Всеволод Викторович

АПОСТАСИЯ КАК ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ОТСТУПНИЧЕСТВА ОТ БЫТИЙНОГО ДОБРА

В статье рассматривается феномен апостасии в контексте духовно-нравственной проблематики. Приводятся различные взгляды классических и современных авторов на основные вопросы духовно-нравственной жизни человека. Раскрывается сущность апостасийного человека как глобальной проблемы современности и как детерминанты нового эсхатологического сознания. Цель статьи: показать важность и актуальность духовно-нравственных вопросов для современного человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/1-1/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. I. С. 13-18. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 128.13

Философские науки

В статье рассматривается феномен апостасии в контексте духовно-нравственной проблематики. Приводятся различные взгляды классических и современных авторов на основные вопросы духовно-нравственной жизни человека. Раскрывается сущность апостасийного человека как глобальной проблемы современности и как детерминанты нового эсхатологического сознания. Цель статьи: показать важность и актуальность духовно-нравственных вопросов для современного человека.

Ключевые слова и фразы: отступничество; отпадение от Церкви; духовно-нравственная область; добро; эсхатологические события; отречение; любовь; человечность; лицемерие; воля; выбор; свобода; цели; ценности; вера.

Ахматов Всеволод Викторович

*Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики
magyatirsa@yandex.ru*

**АПОСТАСИЯ КАК ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН
ОТСТУПНИЧЕСТВА ОТ БЫТИЙНОГО ДОБРА[©]**

Термин «апостасия» (греч. *Αποστασία* – отступничество) – первоначально вошел в употребление как отступничество от христианства, вероотступничество. Вероотступничество представляет собой полный отказ верующего от веры, отрицание ее догматов, сопровождающееся отпадением от Церкви либо отказ клирика от своих обязанностей или подчинения церковной иерархии. В отличие от ереси, характеризующейся частичным отрицанием церковного учения, апостасия представляет собой полное его отрицание.

Это также измена христианской вере и отпадение от нее. В греческом тексте Ветхого Завета (Септуагинта) слово апостасия встречается в значении отступничества от Бога (например, Иер. 2:19, Нав. 22:22) и имеет четкий религиозный смысл.

Согласно христианской теологии, начало апостасии можно усмотреть в первом добровольном акте нарушения Божественной воли, искажению Богоданного образа (духовного закона) (Быт. 3, 6; Рим. 8, 20-22).

В христианскую литературу слово «апостасия» вошло из античной греческой литературы, где оно означало отпадение от законного правителя – измену ему или мятеж против него. В греческом переводе Ветхого завета – Септуагинте – слово «апостасия» приобрело религиозную окраску – отпадение от небесного правителя-Бога либо измену Моисеевым законам, данным Богом (И. Навин 22:22; 2 Пар. 29:19; 1 Макк. 2:15; Иер. 2:19; Деян. 21:21; 2 Фесс. 2:3).

В Новом Завете, имеющем преемство с ветхозаветной традицией, слово апостасия означает вероотступничество или отступление от христианской веры (например, Лк. 8:13; 1 Тим. 4:1-3; Евр. 3:12; 2 Пет. 2:20; 2 Пет. 3:17). Со времен святителя Киприана Карфагенского в Церкви встречается понятие апостат (греч. *αποστατης* – отступник), которое применяется к христианам, отпавшим от веры во время гонений.

В 2010 г. папа Бенедикт XVI включил преступления против веры (лат. *delicta contra fidem*), в том числе и апостасию, в список тягчайших преступлений (лат. *Normae de gravioribus delictis*) [19].

Вышперечисленные характеристики апостасии не выходят за рамки ее христианско-конфессиональной трактовки и сопровождаются внешними признаками отступничества от веры и Церкви, но апостасия это более глубокое и многогранное явление, выходящее за пределы ее церковно-исторической составляющей. Существовая в контексте христианского дискурса, оно может характеризоваться не только внешним и внутренним отступничеством от веры и Церкви. Оно часто становится опасной и лицемерной формой отступничества и от всякого бытийного добра, любви, человечности в целом, то есть приобретает некое общемировое значение, укорененное в прошлом, развивающееся в настоящем и устремленное в будущее.

Апостасия как мировое явление будущего пророчески предсказано апостолом Павлом, считающим ее одним из основных признаков эсхатологических событий, предшествующих Страшному Суду («ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление» – *ή αποστασία*, 2 Фес. 2:3).

Апостасия также имеет в виду не всякое отступление вообще, а отступление особенное по своей силе, глубине и по своему широкому распространению, отступление громкое, достигшее крайней степени своего развития. Апостасия является последним этапом развития «тайны беззакония», непосредственно выдвигающим личность Антихриста. В Библии указываются три разные формы проявления апостасии: 1) отступление от Истинного учения и от христианской морали; 2) отступление от нормальной, благодатной Богом государственности; 3) отступление от истинной Церкви Христовой при сохранении ее внешнего облика, то есть крайняя форма лицемерия. Полная тройная апостасия делает приход Антихриста неизбежным. «День тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели» (1 Ин. 2:18; 2 Солун. 2:3).

То есть у данного явления есть не только прошлое и настоящее, но и некое особенное эсхатологическое будущее. От чего же отступят люди последних времен, если «ничто не ново под луной» и нельзя вообразить такого зла, которое не совершало бы человечество? Этот вопрос обращает наше внимание не на внешние формы апостасии, а на ее глубинную сущность. Отсюда возникает необходимость перенести анализ апостасии из области церковно-правовой в область духовно-нравственную.

Апостол Павел во втором послании к Тимофею дает следующую характеристику людей будущего: «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрехшиеся» (2 Тим. 3:1-5).

Важнейшей внутренней духовно-нравственной особенностью данной характеристики является «нелюбовь к добру» и «отречение от силы благочестия» при сохранении его внешнего вида, то есть крайне опасная форма лицемерия. Сила же благочестия состоит в соблюдении основного закона христианства – закона любви (Мф. 5:44, 22:36-40; 1 Ин. 2:10; 2 Кор. 11:13-15; 1 Тим. 1:5-6).

Той любви, которая – «...долготерпит, милосердствует, <...> не завидует, <...> не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит, <...> никогда не перестает...» (1 Кор. 13:4-8).

Этот идеал, полноценно воплощенный Иисусом Христом кажется современному человеку недостижимым, если в нем не обнаружить всем понятные ценности – добро, совесть, честь и достоинство, свободу и ответственность. Стремление к этому идеалу, наполненное высшим духовным содержанием предполагает их деятельное применение в реальной жизни (Иак. 2:14-24).

По отношению к ним личности можно усматривать ее истинную духовно-нравственную составляющую.

«Потому узнают все, что вы мои ученики, если будете иметь любовь между собою», – говорит Иисус Христос (Ин. 13:34-35; об этом же: 1 Ин. 3:11, 15, 18, 22; 1 Фес. 4:9; 1 Тим. 1:5-8 и др.).

«Духовная любовь есть не только религиозная преданность, но в основе своей она есть, прежде всего, зрячий, живой, предметный выбор», – писал И. А. Ильин [10]. Это выбор в пользу Добра. По словам прот. В. Зеньковского это – «Путь человека», который есть «борьба за добро» [8].

В границах библейско-христианской культуры и этноса Абсолютным воплощением Высшего Добра и Любви является Иисус Христос. У прот. В. Зеньковского Он – «Источник Правды и Добра». У Вл. Соловьева Он – «...не только проповедовал, но и сам до конца исполнил требования этого добра...», и поэтому Он – «...есть индивидуальное, единственное в своем роде и, следовательно, ни на что другое не похожее воплощение своей сущности – добра» [10; 11; 25, с. 151].

Свт. Григорий Нисский пишет: «Бог есть так же любовь и источник любви; (1 Ин. 4, 7-8). Это Зиждитель и нашего естества соделал отличительной чертой. (Ин. 13, 35). <...> Следовательно, где нет этой любви, там претворены (закрыты) все черты образа».

Замысел Творца неразрывно связан со смыслом жизни человека: «...образ его (человека) уподобить первообразной некоей красоте, и предназначить цель, для которой будет он существовать...» [17, с. 37].

По словам Архимандрита Антония (Амфитеатрова), каждому человеку от рождения дается природная «воля, способная любить добро и быть святою, как образ воли Божией, которая есть высочайшая любовь и святость» [Цит. по: 6].

Поэтому для человека совершенно естественным является то, что он, – «...есть образ божий по своей природе, в своей предельной онтологической сущности. Своим бытием он обязан Божественной любви и несет в себе эту любовь <...> в своем же земном существовании» ему «необходимо сохранить свою человечность, не утратить этот дарованный свыше образ Божий, не погасить в себе искру божественной любви...» [21, с. 101].

Следовательно, «образ» присущ каждому человеку, «подобие» даётся потенциально. Данному образу присуща способность человека к восприятию, осознанию внутри себя добра, сила и возможность к его применению и творческому развитию через свободную волю и деятельное добротолубие (дружелюбие, милосердие, сострадание, взаимное прощение и др. (Рим. 12, 9-21; 13, 3; Еф. 4, 31-32; Кол. 3, 12-15)) и деятельную любовь (1 Кор. 13, 1-8). Это один из важнейших признаков подлинного человека и человечности, стремящийся из «сферы сугубо этической в область духовно-метафизическую» (*термин – В. Ш. Сабирова и О. С. Соиной – прим. автора В. А.*) или эсхатологическую [22, с. 253]. Отсюда высший смысл человеческой жизни в христианском мировоззрении – достижение богоподобия (теозиса, обожения) как высшего блага.

Этот путь к духовному совершенству невозможен без внутренней убежденности в необходимости признания высшего добра или блага как онтологического (бытийного) принципа жизни и без веры в него. С точки зрения ортодоксального христианского богословия он и должен быть таковым, согласно замыслу Творца. Но возможен и обратный путь, путь отступничества от своей человечности и присущего ей бытийного добра.

С. Франк писал: «...личность человека, как самостоятельного субъекта сознания и воли утрачивает свою связь с той глубочайшей своей основой, в которой она есть лоно божественного начала, – или эта связь ослабевает, <...> и в известной мере является как чистая потенциальность, т.е. как бесформенность, хаос, чистая незавершенность, готовность ко всему» [30, с. 291-292].

Там где нет неизменных спутников истинной любви и подлинной человечности – искренности, сердечности и добра в отношениях людей, начинает царствовать зло, ложь и лицемерие. Возникает апостасия, как глубокое противоречие между внутренним и внешним. Не случайно отцы и учителя церковные усматривали одну из основных причин деградации духовной жизни христиан в умножении крайнего лицемерия и предупреждали о ней.

Блаж. Феофилакт Болгарский в своем толковании на второе послание апостола Павла к Тимофею пишет о таких людях: «Враги всякого добра...». Далее он поясняет: «...Будучи, однако ж, таковы, по расположениям и чувствам сердца, они наружно удерживаются показывать себя такими, а напротив, стараются держаться всех внешних порядков благочестной христианской жизни, где уж нельзя отступать от них, не обнаружив ярко своего нечестия. Оттого лицедейство... То есть они принимают только вид благочестия и притворяются,

делами же отвергаются его» (Рим. 2:20). Согласно Феофилакту Болгарскому, таким людям свойственно презирать брата и заботиться только о себе. Они недружелюбны, не примирительны, жестоки («будут зверями вместо людей»), предатели дружбы, надменны [28].

Свт. Иоанн Златоуст говорит по этому поводу: «...словом: образ (апостол) выражает там – образец, изображение, учение, первообраз благочестия, а здесь – нечто бездушное и мертвое, одну наружность, вид, лицемерие» [27].

У Свт. Григория Нисского читаем: «...не имел бы и силы порок, не прикрашенный ничем хорошим <...> (он) внутри имеет пагубу, как скрытый некий обман, а по наружности показывает обольстительное некое представление добра». В другом месте он пишет: «...злое разнообразно и прикровенно, иным чем-то признается и иным оказывается на опыте...» [17, с. 92].

Апостасия как отречение от высшего принципа добра, присущего подлинной человечности, есть обязательно путь ложного внешнего лицемерного добра, поддельной любви, обманчивой красоты. Это драма человеческого неистинного, неподлинного добра, через которую просматривается другая драма – отречения от Истинного добра и неверия в него. Именно через такое сознательно-волевое отречение-отступничество (апостасию) человек попадает в область, где царствует мнимое добро, то есть, по сути, замаскированное зло. Оно не может спасать и созидать, сделать человека счастливым, но всегда губит и разрушает и, по сути, является зверским, человеконенавистническим и безжалостным неподлинным бытием. Почему так происходит?

Идеалы, рождающиеся и существующие в области ложного добра, метафизически не укорененные в истинной духовности, призванные оправдать его, обречены стать ложной целью жизни человека и поэтому губят и разрушают его душевно и физически.

Не случайно выдающийся сербский богослов и философ Свт. Николай Сербский писал в своей книге «Мысли о добре и зле»: «Когда человек поворачивает свое лицо к Богу, все пути его ведут к Богу. Когда человек отворачивается от Бога, все пути ведут его к гибели. Когда человек окончательно отрекается от Бога и словом, и сердцем, он уже ничего не способен создать и сделать, что не служило бы к его полному разрушению, и телесному, и душевному. Потому не спешите казнить безбожника: он нашел своего палача в самом себе; самого беспощадного, какой только может быть в этом мире» [23].

Весьма поучительным образцом такого человека является Иван Карамазов Достоевского. Иван Федорович полагал, что вся вседозволенность и все злодейство («...вплоть до антропофагии...») для достижения максимального результата обязательно должно иметь форму добра или маскироваться под него. (Часть первая. Книга первая. История одной семейки. VI. Зачем живет такой человек!) [7, с. 79-80, с. 286-292].

Убийца и самоубийца Смердяков из «Братьев Карамазовых» Достоевского говорит об отступничестве как о разумной нравственной норме, необходимой для осуществления некоего будущего добра: «...никакого опять-таки по моему, не было бы греха и в том, если бы отказаться <...> от Христова примерно имени и от собственно крещения своего, чтобы спасти тем самым свою жизнь для добрых дел, коими в течении лет и искупить малодушие <...> я вполне уполномочен в том собственным рассудком, ибо никакого тут греха и не будет» (Братья Карамазовы. Часть первая. Книга третья. Сладострастники. VII. Контroversa) [Там же, с. 145]. Всевозможные аспекты апостасийной личности, ее состояния очень подробно описаны в его же «Сне смешного человека» (V).

Ложная цель служения неистинному добру предопределяет губительные средства воплощения данного принципа в жизнь, искажает образ человека, позволяет ему жить и поступать бесчеловечно, зверски, жестоко, не снимая при этом маску добродетели. Постепенно возникает такая форма лицемерия, которая вообще внутренне не нуждается ни в каких осознанных идеалах ложного или истинного добра. Между тем, данное лицемерие, бесконечно отдаляясь от подлинных любви и добра (а, следовательно, и от их источника – Бога, Творца, Абсолюта), нуждается в их внешних атрибутах и форме. Оно внешне может казаться добром, стремится к этому, внутри имея некую сложную звериную бесчеловечную сущность.

Еще Аристотель в «Политике» писал: «Человек, нашедший свое завершение, – совершеннейшее из живых существ, и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, наихудший из всех, ибо несправедливость, владеющая оружием, тяжелее всего; природа же дала человеку в руки оружие – умственную и нравственную силу, а ими вполне можно пользоваться в обратную сторону. Поэтому человек, лишенный добродетели, оказывается существом самым нечестивым и диким, низменным в своих... вкусовых позовах» [8, с. 445].

Свт. Григорий Нисский в своей работе «Об устройении человека» пишет: «Ум, составляя в себе образ доброт, подобно кривому зеркалу, оставляет не изображенными светлые черты добра, отражает же в себе безобразия вешества. <...> разрушается же снова и распадается... А подобное этому не иначе происходит, как при обращении естества к обратному порядку, когда пожелание склоняется не к прекрасному <...> преобразуется в нечто некрасивое и безобразное». Это происходит, несмотря на то, что, – «...в нас есть представление всего прекрасного, всякая добродетель и мудрость, все, что только есть умопредставляемого о наилучшем», – считает Свт. Григорий [17, с. 61].

«Зло гораздо легче входит в душу, прокрадываясь и увлекая, чем насилуя и ломая; для него бывает целесообразнее надеть личину, чем сразу обнаружить свою отвратительность», – отмечал И. А. Ильин [11]. Но всегда остается вопрос Л. Шестова: «...в чем это добро и что нужно делать, чтобы иметь право считать его на своей стороне» [32]?

«Философское определение точки схождения и единой основы истины, добра и красоты было дано еще Парменидом в его знаменитой тавтологии: бытие есть, не-бытия нет. Истина – знание бытия. Добро – утверждение бытия. Красота – тяга к бытию. <...> Добро и истина суть одно и то же», – пишет современный исследователь этики А. А. Гуссейнов [5].

Платон учит (Горгий, Федон, Федр и др.), что человеческие добродетели (мудрость, умеренность, мужество и т.д.) имеют врожденный характер. В восхождении человека к идеальному миру находится смысл его бытия. А средством к его возвышению является власть разума над низкими страстями и любовь к добру.

Согласно Аристотелю, добродетель присуща от природы всякому человеку. Она способна делаться совершенной «если <...> соединена с рассуждением и выбором» и не губит того, кто заключает ее в себе (Большая этика, Политика) [1, с. 321; 8, с. 817].

По мнению Свт. Григория Нисского: «Добродетель есть определенный Святым и благим Богом образ внутреннего расположения человека, влекущий его к деланию добра. Добродетели заключают в себе как добрые дела человека, так и доброе расположение его души, из которого происходят сами дела» [17, с. 35-36].

Для того чтобы человеку полноценно осознавать в себе добро и жить в согласии с ним, Свт. Григорий определяет, что у него есть различные средства: «сила – это вложенный в нас ум, <...>, – промышление – высшая умопредставляемая и творческая сила», – душевность (в душе покоятся превосходнейшие ее силы, – умственная и чувственная деятельность) – управляемая рассудком и размышлением, находящаяся в середине между добродетелью и пороком, возвышающаяся над пороком, но не вполне причастная добродетели», – духовность – имеющая в виду совершенство жития по Богу» [Там же, с. 38, 45].

Свт. Григорий согласен с Аристотелем в том, что истинное добро не губит, а кажущееся «губит прикасающегося, делается самым крайним злом» [Там же, с. 93].

Спиноза, Кант, Гегель, Паскаль, Руссо, в основном, считали, что добро соприсродно человеку, но оно любит трогательное внимание и деятельную заботу о себе [4, с. 303-305; 12; 18; 20; 26].

Добро как цветок необходимо возвращать и питать. У него множество врагов, готовых неустанно уничтожать все его начинания. Среди них царствует воля человека [25, с. 274].

Шопенгауэр относил способность человека к развитию в себе добродетелей к «дарам природы», считая, что: «...все врожденное имеет метафизическое основание, следовательно, опирается на право высшего порядка и существует, так сказать, Божией милостью» [33, с. 88].

Тем не менее, он писал что «дельцы, полные притворства и лицемерия, часто надевают маску добродетели – законности... религиозности и правоты <...> философии... благонравия... строгой справедливости <...> приветливого дружелюбия» [Там же, с. 78-79].

Согласно Шопенгауэру: «...любая истинная добродетель <...> не <...> является результатом <...> особой силы интеллекта», и для ее первоосновы «достаточно самого слабого рассудка». Она могла бы свободно «осуществляться в каждом человеке, если бы этому не противилась его воля» [34, с. 884].

Пессимизм и обеспокоенность Шопенгауэра углубил и расширил Ф. Ницше. Он заметил, что добро часто сопровождается крайним лицемерием, эгоизмом и одухотворенной жестокостью, что в нем может скрываться «лютый зверь», что «в хитрости много доброты» и она часто есть только маска. Оно ускользает и усложняется в своей исторической и моральной определенности («страдает внутренним психологическим противоречием»), становясь главным постулатом всего низменного, завистливого, трусливого и рабски покорного. Его мечты о сверхчеловеке будущего омрачены грозными предчувствиями неизбежного озверения и аморальности человечества [15, с. 42, 84-85; 16, с. 46, 52-53, 118, 143-144, 158-159, 200-201].

В. Соловьев очень близко подошел к пониманию сложности эсхатологических судеб добра. Он много писал об обманчивом, самозваном, прикрытом некоей «личиною» добре. В своем «Оправдании добра» он отмечал что, – «Всякое нравственное учение, какова бы ни была его внутренняя убедительность или внешняя авторитетность, оставалось бы бессильным и бесплодным, если бы не находили для себя твердых точек опоры в самой нравственной природе человека» (Ч. 1. Добро в человеческой природе. Гл. I) [23, с. 122]. Истинным началом Добра он полагал Бога, а силу и непобедимость его выводил из действительного воскресения Христа («...вот документ истинного Бога»). Совершенным воплощением ложного добра он полагал Антихриста, «который – будет говорить громкие и высокие слова» и набросит блестящий покров добра и правды на тайну крайнего беззакония <...>, чтобы <...> соблазнить к великому отступлению». В. Соловьев считал, что истинное добро нуждается не только в голосе совести, доброй воле и уме, но главным образом характеризуется признаками «вдохновения добра» («прямом положительном действии самого доброго начала на нас и в нас») – «свободными и безмерными порывами любви», истинной простотой, прямоотой, сердечностью [24, с. 122; 25, с. 144-151, 160, 164, 192, 274].

В. Ш. Сабиров и О. С. Соина, отмечают, что согласно И. А. Ильину: «...дух как основание добра, безусловно свободен <...> следовательно, совершенно свободными являются и возможности осуществления добра в антропологическом и социальном пространстве индивида: – ...внутренняя свобода человека священна <...> и внешние проявления ее неприкосновенны» [22, с. 248]. Если согласиться с данной мыслью, можно предположить, что человек свободен и в выборе иного пути.

Для того чтобы этого не произошло, по Вышеславцеву: «...необходима не только культура воли, силы воли, ее чистоты и решимости, необходима еще культура эмоций и стремлений, их широты и глубины в смысле чувствительности ко всей полноте системы ценностей» [3].

Л. Шестов в своей работе «Добро в учении графа Л. Н. Толстого и Фридриха Ницше» отмечал, что Толстой жизнь Левина называл «жизнью, осмысленной добром» [32].

Поэтому, подлинный выбор в пользу добра должен быть духовно-свободным, решительным и ценностно осмысленным [2, с. 72-74; 9; 11; 14; 30, с. 291-292].

По определению современных исследователей этики, проф. В. Ш. Сабирова и проф. О. С. Соиной, добро – положительная ценность, благо, возвышающее человека к Абсолюту. Оно является основной категорией

этики, выражающей положительное содержание человеческих поступков и моральных качеств личности. Они же отмечают что нравственный ум человека, как важнейший инструмент оценки явлений добра, нуждается в опоре на духовную основу. Мало стремиться к моральному добру, неуглубленному духовно. Это может привести к негативным результатам и нигилистическому, оторванному от жизни и духовной культуры морализаторству [22, с. 468, 490]. То есть движение человека к чему-либо совершенному, прекрасному, имеющему положительный смысл и значение онтологически (бытийно), связано с истинным добром и добродетелью и неизбежно сопровождается духовно-активной, творческой деятельностью всего того лучшего, что заложено в нравственной природе человека.

Таким образом – способность человека к добру есть свойство (в большей или меньшей степени присущее всем нам), искажение и сопротивление которому посредством свободной воли и разума, приводит к тяжелым и разрушительным последствиям и повреждениям ума – вплоть до полного отрицания и отступничества от истинного добра (*«как анти жизненного ложного принципа» – термин Л. Н. Толстого – прим. автора В. А.»*) [32]. Именно эта особенность, на наш взгляд, наиболее существенна в понимании внутреннего устройства апостасийного человека, как потенциального самоубийцы, преступника и экстремиста. Она же является наиболее важной константой, характеризующей «эволюцию» общемирового явления апостасии в целом. Апостасийный человек не является не способным творить добро, но он не верит в него и отрекается от всего, что с ним связано. Он страшнее тех бесов, которые «веруют и трепещут», потому что не верует и не трепещет. Его зверская и бесчеловечная глубинная сущность часто одета в маску добра и еще нуждается в глубоком этическом анализе.

По мнению С. С. Хоружего, сегодня «В обществе разрушаются устоявшиеся типы и способы социализации, появляются новые, связанные с ведущими современными процессами – глобализацией, компьютеризацией, виртуализацией, – и человек с беспокойством замечает, что эти приходящие механизмы социализации и коммуникации обедняют его личность и его отношения с другими людьми, заставляют его утрачивать человечность» [31, с. 183].

Такое общество активно формирует нового – «постчеловека» (*термин С. С. Хоружего – прим. автора В. А.*), такого отступника, каких еще не видел мир.

Для многих современных людей становится привычным:

- полное неверие в истинное добро, как природный принцип жизни и фактическое признание его бессилия и нежизнеспособности;
- внутреннее отречение (отступничество) от всякого бытийного добра, любви и человечности, как анти жизненной и непрактичной системы ценностей;
- сотворение ложного псевдо добра и следование его моделям и принципам, как продуктивным и перспективно-прогрессивным.

Данные принципы напоминают заповеди сатанистов:

1. Будь добр лишь к тем, кто достоин этого. Люби лишь достойных любви.
2. Благословен тот, кто разбрасывает врагов своих и трижды проклят слабый.
3. Не прощай врагам своим, мсти четырехкратно, стократно! Стань олицетворением самого Террора для врагов своих...
4. Воздай другим то, что они воздали тебе.
5. Отвечай лишь перед теми, кто имеет право спросить с тебя [13].

Подобные установки сохраняются и культивируются в современной глубинной идеологии глобальных корпораций. Они же, по-видимому, станут основными двигателями киберкультурных, технологически-перфекционистских, техноимпериальных, технокапиталистических проектов будущего, для которых будут абсолютно чужды духовно-нравственные устремления и которые в будущем понесут на себе глубокий отпечаток апостасии.

Выводы:

- явление апостасии вышло за рамки ее узко-церковного понимания и приобрело масштабные перспективы развития, восставая на духовно-нравственные основы жизни человека – добро, любовь, человечность;
- истинное добро не может быть связано с насилием (за исключением: применения силы закона и права (существующих для ограничения и пресечения зла), а не произвола сильного; применения врачебных болезненных методов лечения с согласия пациента; природных явлений, не зависящих напрямую от действия свободной воли человека), разрушением, губительством, сознательным мучением и убийством людей или самоубийством. Оно принадлежит к высшим ценностям, области прекрасного, справедливого и возвышенного и в силу этого не губит, не разрушает, не насилует но, как правило, спасает и созидает, сострадает и жалеет, прощает и милует (Ин. 10, 10-11);
- апостасийный человек, отступник, вставший на путь отречения от всякого природного добра, любви, человечности с внутренне искаженной волей, совестью, сознанием и умом может стать убежденным самоубийцей, идеальным террористом, изощренным садистом, экстремистом и преступником;
- такой человек является прогрессирующей во времени личностью, активно формирующей для себя внутреннюю изуверскую философию и ценностную систему, соответствующую некоему глубинному «своду правил», определяющему жизнь человека и ее цель;
- он способен иметь внешне привлекательный, очаровывающий псевдорелигиозный облик, выступать на стороне добра, лицемерно провозглашать его принципы, как единственно верные, и при этом внутренне следовать зверским и человеконенавистническим установкам, фактически отрицая его необходимость и пользу для достижения поставленных целей и задач.

Список литературы

1. **Аристотель.** Этика. М.: АСТ; АСТ Москва, 2010. 492 с.
2. **Бердяев Н.** О назначении человека. М.: Астрель; Полиграфиздат, 2010. 478 с.
3. **Вышеславцев Б. П.** Этика преображенного эроса [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/etika_erosa/7#7 (дата обращения: 17.06.2013).
4. **Гегель Г. В. Ф.** Энциклопедия философских наук: в 3-х т. М., 1956. Т. III. 371 с.
5. **Гусейнов А. А.** Философские заметки [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2009. № 8. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=72см (дата обращения: 19.12.2012).
6. **Добросельский П. В.** Общие аспекты психики, или Введение в православную психологию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/dobroselskiy-3/18.htm> (дата обращения: 11.03.2013).
7. **Достоевский Ф. М.** Собрание сочинений: в 15-ти т. Л.: Наука, 1991. Т. 9. Братья Карамазовы. 697 с.
8. **Древнегреческая философия. От Платона до Аристотеля** / пер. с лат. и древнегреч. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. 832 с.
9. **Зеньковский В., прот.** Апологетика [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/osnovnoe_bogoslovie/zenkovsky/ (дата обращения: 17.06.2013).
10. **Зеньковский В., прот.** Зло в человеке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odinblago.ru/path/56/2> (дата обращения: 17.06.2013).
11. **Ильин И. А.** О сопротивлении злу силою [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/zlu_siloi (дата обращения: 12.06.2013).
12. **Кант И.** Основы метафизики нравственности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bookluck.ru/booktkeki.html> (дата обращения: 25.07.2011).
13. **Кондратьев Ф. В.** Сатанизм как реальность и «сатанизм» как психическое расстройство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vernost.ru/pogib02.htm> (дата обращения: 03.10.2010).
14. **Левцкий С. А.** Трагедия свободы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.net/books/tragediya-svobody-read-264324-1.html> (дата обращения: 16.05.2014).
15. **Ницше Ф.** Генеалогия морали. Трактат первый. «Добро и зло», «хорошее и дурное». 3-5. СПб., 2010. 218 с.
16. **Ницше Ф.** По ту сторону добра и зла [Электронный ресурс]. СПб., 2011. 240 с. URL: http://lib.ru/NICSHE/dobro_i_zlo.txt (дата обращения: 15.11.2014).
17. **О человеке:** сборник трактатов / ред. И. Тарасенко. СПб.: Азбука, 2011. 352 с.
18. **Паскаль Б.** Мысли о религии [Электронный ресурс] / пер. с франц. С. Долгова. М.: Типография И. Д. Сытина и Ко, 1892. URL: <http://www.reformed.org.ua/2/222/Pascal> (дата обращения: 20.11.2012).
19. **Религиозные посягательства** [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86-ти т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения: 29.04.2013).
20. **Руссо Ж.-Ж.** Педагогические сочинения [Электронный ресурс]: в 2-х т. / под ред. Г. Н. Джибладзе; сост. А. Н. Джуринский. М.: Педагогика, 1981. Т. 2. 656 с. URL: <http://www.marsexh.ru/tolstoy/russo-emil.html> (дата обращения: 29.04.2013).
21. **Сабиров В. Ш.** Любовь как откровение личности Божественной и человеческой // Человек. 2003. № 6. С. 100-110.
22. **Сабиров В. Ш., Соина О. С.** Этика и нравственная жизнь человека. СПб., 2010. 488 с.
23. **Свт. Николай Сербский.** Мысли о добре и зле [Электронный ресурс]. URL: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=245> (дата обращения: 29.04.2013).
24. **Соловьев В.** Оправдание добра / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации; Алгоритм, 2012. 656 с.
25. **Соловьев В.** Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями. М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель, 2007. 347 с.
26. **Спиноза Б.** Этика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vzms.org/spinoza.htm> (дата обращения: 29.08.2013).
27. **Толкование Святого Иоанна Златоуста на Второе послание к Тимофею** [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/sv_otci/ioann_zlatoust/11_2/4_7 (дата обращения: 29.08.2013).
28. **Феофилакт Болгарский.** Толкование на Второе послание Апостола Павла к Тимофею [Электронный ресурс]. URL: <http://feofilakt.org.ua/2e-timofeiu/glava-3> (дата обращения: 29.04.2013).
29. **Философия: универсальный курс:** учеб. для студентов социально-гуманитарных и экономических специальностей / сост. В. Ш. Сабиров, О. С. Соина. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2009. 504 с.
30. **Франк С.** Реальность и человек. М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель, 2007. 382 с.
31. **Хоружий С. С.** Колочий клад: византийское наследие в его обоюдоострой актуальности // Развитие и экономика. 2012. № 4. С. 180-191.
32. **Шестов Л.** Добро в учении гр. Толстого и Ницше [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/shestov/dobro.html> (дата обращения: 17.09.2012).
33. **Шопенгауэр А.** Мысли. СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. 187 с.
34. **Шопенгауэр А.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Дмитрий Сечин, 2011. Т. 2. Мир как воля и представление. 1032 с.

APOSTASY AS ESCHATOLOGICAL PHENOMENON OF DEFECTION FROM EXISTENTIAL KINDNESS

Akhmatov Vsevolod Viktorovich

Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences

maryatirsa@yandex.ru

The article considers the phenomenon of apostasy in the context of spiritual and moral problematic. Various views of classical and contemporary authors on the major issues of human spiritual and moral life are given. The paper reveals the essence of an apostate man as a global problem of the present and as a determinant of new eschatological consciousness. The purpose of the article is to show the importance and relevance of spiritual and moral issues for a modern man.

Key words and phrases: defection; disruption from Church; spiritual and moral area; kindness; eschatological events; renunciation; love; humanity; hypocrisy; will; choice; freedom; purposes; values; faith.